
ЕКАТЕРИНА КУЛИ
АНАТОМИЯ ЗАБОТЫ
18+

Контур безопасности

Екатерина Кули

Анатомия заботы

«Автор»
2026

Кули Е.

Анатомия заботы / Е. Кули — «Автор», 2026 — (Контур безопасности)

Пять лет брака с Дэвидом были для Эмили абсолютным счастьем. Успешный архитектор, он спроектировал для неё мир, укрытый от любых жизненных бурь. Переезд в уединённый викторианский особняк в глуши Блэквуд-Фоллс должен был стать началом новой главы — они наконец готовы завести ребёнка. Но пасторальная идиллия рушится, когда в лесах возобновились таинственные исчезновения молодых девушек.Дэвид делает всё, чтобы оградить пугливую жену от тревог, возводя вокруг неё прочный кокон абсолютной заботы. Но чем ближе подступает лесной кошмар, тем отчётливее Эмили понимает: под безупречным фасадом их брака прячется нечто зловещее. Случайная оплошность мужа заставляет её заглянуть на обратную сторону их идеальной жизни. Когда маски будут сброшены, Эмили поймет, что её безупречная гавань — это капкан, а за фасадом идеальной заботы скрывается самый пугающий и точный чертеж в её жизни.При создании произведения использовался ИИ.

© Кули Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
ЧАСТЬ 1. БЕЗУПРЕЧНЫЙ ФАСАД 6
ГЛАВА 1 6
ГЛАВА 2 9
ГЛАВА 3 11
ГЛАВА 4 13
ГЛАВА 5 15
ГЛАВА 6 16
ГЛАВА 7 18
ГЛАВА 8 21
ГЛАВА 9 23
ГЛАВА 10 25
ГЛАВА 11 27
ЧАСТЬ 2. ТРЕЩИНЫ В ФУНДАМЕНТЕ 30
ГЛАВА 12 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Екатерина Кули
Анатомия заботы

ПРОЛОГ

Белизна этой больничной палаты не имеет оттенков. Она абсолютная, ослепляющая и тяжелая, как слой свежей извести, которой покрывают глухие подвальные стены. Она въедается под веки, даже если закрыть глаза, и пахнет не стерильностью, а дешевым хлором, лекарствами и глухим, звенящим одиночеством.

Я лежу неподвижно. Каждый вдох отзывается в затылке тупой, мерной пульсацией — там, где под толстой марлевой накладкой медицинские нити намертво стянули края разорванной кожи. Но швы на голове — это почти неощутимо. Настоящая, рвущая на части боль живет ниже, под ребрами, где в полной темноте ворочаются вопросы, от которых можно сойти с ума.

Я всё помню.

ЧАСТЬ 1. БЕЗУПРЕЧНЫЙ ФАСАД

ГЛАВА 1

Городская квартира на четырнадцатом этаже покидала их жизнь неохотно, оставляя после себя серые, геометрически правильные прямоугольники выцветших обоев там, где еще вчера висели репродукции Моне, и гулкое, сиротливое эхо. Эмили стояла посреди пустой гостиной, прижимая к груди коробку с завернутыми в пупырчатую пленку фарфоровыми чашками — последней уцелевшей деталью их пятилетнего городского быта. За панорамным окном расстилался мегаполис: затянутый смогом, вибрирующий от вечного гула автомобильных гудков, чужой и бездушный. В этой пустой комнате без штор свет казался режущим, обнажающим каждую трещину на паркете.

Она всегда его боялась. Этот страх перед открытым, агрессивным пространством рос вместе с ней. Эмили выросла в тесной бетонной многоэтажке, где за тонкими стенами вечно ругались родители, швыряя друг в друга дешевую посуду и деля гроши от зарплаты до зарплаты. Город в её сознании навсегда остался местом, где у человека нет кожи. Где любой прохожий может задеть тебя плечом, а чужая злость и чужие взгляды проникают сквозь замочные щели, нарушая личные границы. Ей до боли, до физической тошноты всегда хотелось иметь свою гавань. Надежный, замкнутый контур. Место, куда не долетит ни один внешний шторм и где линии её жизни наконец-то станут устойчивыми.

— Эми, маленькая, ты держишь самую тяжелую коробку. Ну-ка, отдай.

Теплый, низкий голос Дэвида раздался за спиной одновременно с мягким, но удивительно синхронным движением его рук. Он забрал у нее картонный куб так легко, словно тот ничего не весил. Дэвид улыбнулся, и на его щеках появились те самые мальчишеские ямочки, которые пять лет назад заставили её, пугливую первокурсницу, впервые затаить дыхание в университетской библиотеке.

На нем были заляпанные строительной пылью джинсы и простая фланелевая рубашка с засученными рукавами, обнажавшими крепкие, жилистые предплечья. Архитектор. Мужчина, который умел подчинять себе хаос линий, бетона и дерева. Рядом с ним Эмили всегда чувствовала себя так, словно её завернули в тяжелое, дорогое шерстяное одеяло, защищающее от любых сквозняков.

— Я просто... задумалась, — тихо улыбнулась она, убирая со лба светлый локон. — Пять лет, Дэви. Мы прожили здесь пять лет. Мне до сих пор не верится, что мы уезжаем.

— Мы не просто уезжаем, Эми. Мы возвращаемся к истокам. Исправляем ошибку в расчетах, — Дэвид поставил коробку у двери к остальным вещам и подошел к ней вплотную. Его большие, сухие ладони легли ей на плечи, слегка сжав их через ткань вязаного кардигана. Это движение было мягким, но Эмили почувствовала, как его пальцы зафиксировали её на месте, лишая необходимости двигаться. — Эта квартира была лишь временным навесом. Неудачным черновиком с нарушенными пропорциями. Посмотри туда, вниз. Что ты видишь?

Эмили послушно перевела взгляд за стекло. Четырнадцать этажей под ними плавился в полуденном зное асфальт, машины казались суетливыми жуками, а люди — безликой массой, спешащей раствориться в подземных переходах метро.

— Муравейник, — послушно выдохнула она.

— Именно, — кивнул Дэвид, и в его серых, обычно удивительно спокойных глазах промелькнуло странное, жесткое выражение, которое Эмили часто замечала, когда он критиковал чужие архитектурные проекты. — Бессмысленный, хаотичный муравейник. Здесь нет структуры. Нет безопасности. В городе ты никогда не принадлежишь себе — тебя постоянно оце-

нивают, дергают, используют чужие грязные руки. Здесь слишком много сквозных проемов, Эми. Слишком много лишних людей, которые могут нарушить твою чистоту. Твое дело — творить, маленькая. Писать свои статьи об искусстве, дышать чистым воздухом и ни о чем не беспокоиться. Особняк дяди Чарльза... это настоящая крепость. Стены в три кирпича, дубовые балки, которые переживут нас с тобой, и мили слепого, глухого леса вокруг. Полная изоляция от внешнего шума. Никаких соседей за стеной. Никаких случайных, грязных взглядов. Только ты, я и наше будущее. Я сам выстрою вокруг тебя идеальный, чистый периметр, за который никто не сможет проникнуть.

Хорошо, что Дэвид еще в прошлые выходные перегнал её старый серебристый седан в Блэквуд-Фоллс, когда в одиночку возил туда первую, самую тяжелую партию стройматериалов и инструментов для ремонта будущей детской. Он тогда наотрез отказался брать её с собой, объяснив это тем, что в доме пока слишком пыльно и сыро, и настоял, чтобы она отдохнула в городе, оставив ей свой мощный внедорожник. Эмили помнила, как удивилась его практичности: Дэвид не хотел гонять пустой грузовик дважды и распланировал логистику так, чтобы её машина уже стояла в гараже особняка к моменту их окончательного переезда. Ехать сегодня налегке, вдвоем в его просторном, теплом джипе, будет намного приятнее, и Эмили в очередной раз восхитилась тем, как безупречно её муж просчитывает любую житейскую мелочь.

Он наклонился и нежно, с какой-то благоговейной, почти ритуальной серьезностью поцеловал её в лоб. Его дыхание пахло мятной пастилкой и крепким кофе. В такие минуты Эмили казалось, что её тотальная зависимость от него — это не слабость, а высшее благо, доступное женщине. Зачем вникать в налоговые декларации, спорить со страховыми агентами или следить за техническим состоянием машины, если Дэвид делал это безупречно? «Твое дело — быть счастливой и беречь себя, маленькая. Весь остальной хаос я беру под свой полный контроль», — говорил он, забирая у неё счета. И Эмили с радостью уступала, шаг за шагом, кирпичик за кирпичиком отдавая контроль над своей реальностью в его надежные, сильные руки, совершенно не замечая, как невидимые стены её безупречной тюрьмы проектируются до мельчайшего элемента.

Переезд в Блэквуд-Фоллс, глухую провинцию на самой окраине штата, совпал с их главным, самым выстраданным решением. Месяц назад Эмили выбросила в мусорное ведро последнюю блистерную упаковку противозачаточных таблеток. Когда она сказала об этом Дэвиду, он замер, а затем подхватил её на руки и кружил по пустой комнате до тех пор, пока у неё не закружилась голова. Его одержимость идеей отцовства поначалу даже немного испугала её — в его глазах вспыхнул такой яростный, фанатичный огонь перфекциониста, словно он готовился возвести главный монумент в своей жизни, запечатать их связь окончательным, нерасторжимым элементом структуры. Но затем её мягкая натура растопила остатки сомнений. Ребенок. Их собственный ребенок в огромном, тихом доме, вдали от городского безумия. Что могло быть прекраснее и безопаснее?

В дверь постучали — двое грузчиков в грязных комбинезонах начали молча выносить коробки. Дэвид тут же переключился на них, его голос стал сухим, экономным и приказным. Он контролировал каждый их шаг, следил, под каким углом они разворачивают тяжелый дубовый комод в дверном проеме, и требовал, чтобы коробки с пометкой «Стекло» укладывали в грузовик исключительно вручную. Он не переносил, когда чужие руки прикасались к вещам Эмили неаккуратно, оставляя следы на глянцевых поверхностях.

Эмили отошла к окну, чувствуя, как внутри нарастает легкое, глухое волнение. Скоро всё изменится. Линии её жизни завяжутся в новый, прочный узел.

Она посмотрела на мужа. Дэвид стоял у порога, делая пометки в своем блокноте. Его движения были идеально выверенными, в них не было ни капли суеты, хаоса или человеческой слабости. Настоящая скала. Мужчина, который спас её от одиночества и страха. Эмили улыбнулась своим мыслям, не подозревая, что этот жаркий день — последний день её призрачной,

хаотичной свободы, а серый семейный джип, припаркованный внизу, уже готов отвезти её к воротам её будущей безупречной изоляции.

ГЛАВА 2

Дорога на север штата напоминала медленное погружение на дно глубокого, заросшего янтарной смолой колодца. Сначала за окнами их мощного джипа тянулись бесконечные, безликие пригороды с одинаковыми коробками торговых центров и неоновыми вывесками придорожных мотелей, но постепенно пейзаж начал стремительно тяжелеть. Асфальт сужался, превращаясь в двухполосную серую ленту Трассы 9, а к самой обочине вплотную подступила стена векового, глухого леса. Хвойная чаща стояла неподвижно, окутанная сизым предвечерним туманом, словно бдительная стража, закрывающая за ними последние двери во внешний мир.

Эмили сидела на пассажирском сиденье, поджав под себя ноги. На её коленях лежал старенький смартфон. На экране светился незавершенный групповой чат с университетскими подругами — Хелен и Клэр.

«Девочки, мы уже проехали Клэйтон. Связь ловит через раз, индикатор сети постоянно падает. Как только обустроимся в Блэквуд-Фоллс, я скину вам наш новый адрес и...»

Индикатор сети на верхней панели смартфона мигнул, сменился пустой шкалой, а затем экран окончательно погас — батарея разрядилась в самый неподходящий момент. Эмили разочарованно вздохнула и потянулась к бардачку, где обычно лежала автомобильная зарядка.

— Дэви, милый, ты не видел провод для телефона? Хочу дописать девочкам, а то они потеряют меня. Мы ведь толком даже не попрощались перед выездом, а сотовая связь здесь, кажется, совсем умирает.

Дэвид не отрывал взгляда от темнеющего шоссе. Его руки в замшевых водительских перчатках уверенно и мягко держали руль. Он слегка повернул голову, и на его губах появилась теплая, сочувствующая улыбка.

— Ох, маленькая, прости меня, — мягко произнес он, и в его голосе прозвучало искреннее, мальчишеское раскаяние. — Я совсем забыл сказать тебе. Вчера вечером, когда я паковал коробку с техникой из гостиной, я случайно скинул туда и все шнуры. И автомобильный тоже. Они сейчас где-то на самом дне грузовика, который идет позади нас.

— На самом дне? — Эмили растерянно посмотрела на безжизненный черный экран в своих руках. — Но как же... Хелен просила набрать её, как только мы пересечем границу округа. Она паникерша, решит, что мы попали в аварию. Дэвид, может, остановимся у следующей заправки? Я звякну ей из автомата или попрошу зарядку у кассира, пока сеть ловит хоть немного.

Дэвид плавно сбросил скорость, аккуратно объезжая глубокую выбоину на размытом гравии. Он снял одну руку с руля, накрыв своей тяжелой, теплой ладонью пальцы Эмили.

— Маленькая, здесь на тридцать миль вперед нет ни одной заправки. Только слепой лес, — его низкий голос звучал как обволакивающее, успокаивающее лекарство. — К тому же, Хелен и Клэр прекрасно знают, что мы переезжаем. Зачем тебе эта пустая суета прямо в дороге? Хелен вечно высасывает драмы из пальца, ты же сама знаешь. Начнет расспрашивать про дом, про ремонт, заставит тебя нервничать. А в этой низине вышки округа Клейтон всё равно почти не добивают. Тебе сейчас нужен абсолютный покой. Никаких чужих эмоций. Только ты, я и наше гнездо.

— Да, наверное, ты прав... — тихо ответила Эмили, чувствуя, как под его уверенным взглядом её минутная тревога послушно растворяется. — Просто мне кажется, что я как-то внезапно оборвала все нити.

— Не оборвала, а временно спрятала, — Дэвид мягко сжал её ладонь, возвращая руку на руль. В его серых зрачках на секунду отразился блеклый свет фар от редкой встречной машины. — Большой город разбаловал нас этой иллюзией вечной доступности. Люди разучи-

лись скучать и ценить тишину. Пусть подруги немного подождут. Когда мы полностью обустроим детскую, наведем идеальный порядок и дом будет готов — мы сами пригласим их в гости. Настоящий, тихий девичник на веранде. Согласна?

— Согласна, — Эмили улыбнулась, откидываясь на спинку сиденья и послушно пряча разряженный телефон на дно сумочки.

Её мягкая, вечно ищущая компромиссы натура в очередной раз пасовала перед его железной мужской логикой. Зачем спорить и усложнять дорогу, если Дэвид думает исключительно о её благополучии? Ей действительно не стоило лишний раз нервничать, особенно сейчас, когда внутри неё, возможно, вот-вот начнется новая, хрупкая жизнь.

Машина свернула с шоссе на узкую проселочную дорогу, ведущую к Блэквуд-Фоллс. Колеса глухо зашуршали по мокрому гравию. Эмили посмотрела в боковое стекло. Туман за окном сгущался с каждой минутой, превращая сосны в гигантские, безмолвные силуэты. Она не знала, что Хелен и Клэр никогда не получат её сообщения. Она не знала, что Дэвид вовсе не «случайно» упаковал провода на самое дно — он методично выстроил эту стену тишины еще в городе, зная, что особенности местного рельефа сделают её изоляцию абсолютной. Первая тонкая нить, связывавшая её с прошлым, была аккуратно и безболезненно перерезана его чистыми, точными руками.

ГЛАВА 3

Особняк дяди Чарльза возник из сумерек внезапно, словно массивный, нахохлившийся хищник, притаившийся на самом отшибе цитадели Блэквуд-Фоллс. Трехэтажное викторианское здание из потемневшего от времени, сырости и затяжных дождей кедрового теса стояло в окружении густого, подступающего почти к самому крыльцу леса. Острые шпили крыши, похожие на наконечники старых копий, глубоко врезались в сизое, налитое холодом осеннее небо, а пустые окна первого этажа, занавешенные изнутри тяжелыми бархатными портьерами, казались слепыми. Дом словно выстроил собственный замкнутый контур, глухо обороняясь от любого пришельца извне.

Дэвид заглушил мотор. В салоне их новенького серого джипа мгновенно воцарилась звенящая, почти осязаемая тишина лесной глуши, нарушаемая лишь редким, ленивым пощелкиванием остывающего радиатора.

— Ну вот мы и дома, маленькая, — тихо, с какой-то особенной, торжественной гордостью произнес он, и в полумраке салона на его лице блуждала восторженная улыбка архитектора, обретшего свой идеальный чертеж.

Эмили невольно поежилась, сильнее кутаясь в вязаный кардиган. Особняк выглядел монументально, но от его глухого, изолированного вида под ложечкой болезненно, предчувствующе екнуло. Вокруг не было ни одного жилого дома, ни единого намека на соседей или присутствие других людей — только бесконечный, шумящий под порывами осеннего ветра сосновый океан, бдительно закрывающий за ними последние двери во внешний мир.

Они вышли из машины. Влажный, холодный воздух Блэквуд-Фоллс сразу же обрушился на Эмили, пахнущий сухой хвоей, прелой листвой, сырой землей и горьковатым пчелиным воском. Обувь глухо, отчетливо захрустела по гравийной дорожке. Дэвид тут же перехватил её под руку, уверенно ведя вверх по широким деревянным ступеням веранды. Каждая половица под их весом издавала протяжный, надрывный скрип, словно вековой дом неохотно просыпался от многолетней спячки и фиксировал появление новых жильцов.

Дэвид достал из кармана тяжелую связку старых, потемневших от времени латунных ключей. Металл зловеще, чисто звякнул в утренней сумеречной тишине. Старый замок поддался не сразу, издав сухой, плотный и окончательный щелчок, и тяжелая дубовая дверь медленно отворилась, впустив их внутрь, словно пасть капкана.

Из прохлады холла на Эмили сразу же пахнуло глубокой, застоявшейся историей этой семьи. Просторный вестибюль первого этажа встретил её густым полумраком и концентрированным запахом натертого паркета, старой мебели и горьковатого воска, которым дядя Чарльз годами консервировал деревянные панели. Блеклый свет, пробивающийся сквозь витражное окно на лестничном пролете, ломаными цветными линиями ложился на пол, деформируя пространство.

— Осторожнее, маленькая. Здесь ступенька просела, я починю ее в субботу, — раздался сзади теплый, низкий голос Дэвида.

Прежде чем Эмили успела споткнуться или сделать неверный шаг, его сильная ладонь мягко, но абсолютно властно легла ей под локоть, фиксируя её баланс. Это движение было настолько привычным и точным, что она даже не вздрогнула — просто позволила себе полностью опереться на него, перенося весь свой вес на его руку. За пять лет совместной жизни Эмили привыкла к тому, что Дэвид всегда оказывался рядом ровно за секунду до того, как она могла совершить ошибку, упасть, ушибиться или столкнуться с хаосом реальности. Он был её личным архитектором безопасности.

— Тебе не кажется, что здесь слишком темно? Будто из комнат выкачали весь воздух, — Эмили повернулась к мужу, заглядывая в его серые, удивительно спокойные глаза. — Может,

снимем эти тяжелые бархатные портьеры на первом этаже? Они словно крадут солнце и прячут дом от мира.

Дэвид улыбнулся, и на его щеках появились те самые мальчишеские ямочки, в которые она влюбилась еще в университете. Он потянулся к ней, бережно заправляя выбившийся светлый локон её волос за ухо. Его пальцы были теплыми и слегка шероховатыми — на днях он помогал кузовщику Хаффу осматривать мотор старого «Форда» в гараже.

— Всё, что захочешь, Эми. Это твой дом. Если ты захочешь сжечь эти портьеры, мы устроим костер прямо на заднем дворе, — он притянул её к себе, обнимая за талию и утыкаясь подбородком в её макушку. Ладонь Дэвида легла на её поясницу, мягко, но непреклонно прижимая к своему телу. — Но дядя Чарльз ненавидел яркий свет. У него были проблемы с глазами в последние годы, он ценил контур уединения. Давай менять всё постепенно, хорошо? Чтобы структура дома не обиделась. Поэтапно.

Эмили тихо засмеялась, прижимаясь к его крепкой груди и впитывая его спокойный, домашний запах шалфея и свежей древесины. Под плотной тканью его фланелевой рубашки размеренно, мощно и чисто стучало сердце. В такие моменты ей казалось, что, пока Дэвид держит её в своих руках, ни одна беда в мире — ни экономические кризисы, ни болезни, ни её собственные детские страхи перед открытым пространством — не сможет до нее добраться. Она была надежно запечатана в его заботе.

Она послушно закрыла глаза, позволяя себе полностью раствориться в этой тишине старого дерева и тепле его тела. Лабиринт её новой, изолированной реальности распахнул свои двери, и Эмили с радостью сделала свой первый шаг внутрь, не зная, что замки на этих воротах уже заперты изнутри его точным архитектурным расчетом, а серый джип на дорожке остался единственным свидетелем их прибытия.

ГЛАВА 4

В глухую полночь понедельника особняк дяди Чарльза дышал иначе, чем днем. Безжалостный осенний холод просачивался сквозь щели старого кедрового теса, вытесняя остатки дневного тепла, а тишина лесной глуши за окнами казалась настолько плотной, что её, казалось, можно было осязать физически.

Дэвид поднялся с постели бесшумно, единым выверенным движением. Он постоял над Эмили несколько минут, всматриваясь в её мирное, затуманенное сонным покоем лицо. Она спала глубоко, уткнувшись носом в край тяжелого шерстяного одеяла, а её светлые волосы разметались по подушке. Убедившись, что её сон безмятежен, Дэвид натянул рабочую куртку, взял со стола латунную связку ключей и скользнул за дверь спальни, растворяясь в темноте коридора.

Отдельно стоящий бревенчатый гараж встретил его концентрированным запахом ржавого железа, застарелого солидола, бензина и мертвой, консервирующей пыли. Потолок здесь был низким, давящим, а массивные дубовые ворота были наглухо заперты изнутри на тяжелые кованые задвижки.

Прямо по центру, укрытый плотным, потемневшим от сырости брезентом, высился угловатый, громоздкий силуэт. Дэвид подошел ближе, ухватился за край ткани и потянул её на себя. Холст опал на земляной пол, подняв серое облако вековой пыли, и в блеклом луче его латунного фонаря проступил старый квадратный седан дяди Чарльза.

Автомобиль конца восьмидесятых годов выглядел как ископаемое чудовище, застывшее в липкой янтарной смоле времени. Низкая посадка, угловатые рубленые линии кузова, покрытые слоем матовой грязи, и слепые, мутные фары. Эта машина не покидала гараж ровно пятнадцать лет — с тех самых пор, как в 2011 году дядя Чарльз окончательно забросил дела и заперся в четырех стенах.

Дэвид провел ладонью по холодному металлу капота. На его губах блуждала мягкая, задумчивая улыбка реставратора, приступающего к восстановлению забытого семейного наследия. Дядя Чарльз всегда утверждал, что старые вещи обладают душой, скрытой под слоем ржавчины. Дэвид воспринимал эту машину как сложную головоломку: в ней не было современных электронных блоков, спутниковых трекеров или бортовых компьютеров. Чистая механика, способная растворяться в слепых зонах ночного шоссе так же естественно, как сосновая кора сливается с туманом.

Он плавно откинул тяжелую крышку капота. Металл издал сухой, плотный щелчок.

Работа над машиной напоминала Дэвиду хирургическую операцию. Он методично разложил на верстаке привезенные из города инструменты: набор новых свечей зажигания в стерильных картонных коробках, лак для контактов, бутыль с чистым маслом и тонкое макетное лезвие для зачистки проводов. Никакой суеты. Ни одного лишнего движения. Каждый предмет занимал свое строго определенное место в пространстве.

Его пальцы двигались ловко и экономно. Он вычищал застарелую грязь из карбюратора, миллиметр за миллиметром восстанавливая пропорции старого двигателя. Хаос под капотом постепенно уступал место строгому техническому порядку. Дэвиду нравилось возвращать вещам их первоначальную форму. Эта машина должна была стать безупречным монументом ушедшей эпохи, скрытым от посторонних глаз.

Через три часа непрерывной, беззвучной работы Дэвид плавно повернул ключ в замке зажигания.

Старый мотор не взревел — Дэвид заранее модифицировал выхлопной тракт, заглушив звук плотным слоем базальтовой ваты. Двигатель отозвался тяжелым, ровным и пугающе тихим, утробным рокотом, от которого земля под ногами мелко завибрировала. Механика под-

чинилась его воле. Теперь у него была возможность передвигаться по округу незамеченным, не привлекая внимания местных жителей к своей уединенной усадьбе. Это было необходимо. Окружающий мир казался ему слишком хаотичным, лишенным структуры, и Дэвид предпочитал держать свои передвижения под личным, абсолютным контролем.

Дэвид заглушил двигатель, вытер ладони ветошью и аккуратно закрыл капот. Его серые глаза в полумраке гаража сузились, сканируя проделанную работу. Всё было в порядке. Семейный автопарк пополнился еще одной рабочей машиной, о существовании которой в городе никто даже не догадывался.

Взгляд Дэвида скользнул к верстаку, где в изумрудной тени от его фонаря тускло блеснуло тонкое макетное лезвие из закаленной стали. Он плавно взял его в руку, проверяя пальцем остроту грани. Металл отзывался приятным, хирургическим холодом. Дэвид задумчиво посмотрел на инструмент. Завтра ему предстояло много дел в Клейтоне и Блэквуд-Фоллс. Нужно было заехать в лавку, наладить контакты с местными, изучить дороги и слепые зоны Трассы 9. Чтобы построить здесь по-настоящему надежную, безопасную крепость для Эмили и их будущего ребенка, он должен был досконально, до мельчайшего кирпичика освоить этот ландшафт. Замерить каждый поворот шоссе, каждую лесную просеку. Периметр их новой жизни требовал идеальных, математически точных расчетов, исключающих любые случайные изъяны.

Дэвид Брукс плавно опустил лезвие в карман куртки, выключил фонарь и бесшумно запер ворота гаража на тяжелую латунную задвижку. Поднимаясь обратно в спальню к своей ничего не подозревающей, покорной жене, он мягко улыбался своей привычной, мальчишеской улыбкой. Старый седан дяди Чарльза в темноте гаража был полностью готов занять свое место в этой невидимой, скрытой от мира структуре.

ГЛАВА 5

Шериф Томас Коллинз ненавидел Трассу 9 в предвечерние часы, когда туман наползал из лесной чащи так стремительно, что фары его старого пикапа упирались в плотную, мертвенно-серую стену. Округ Блэквуд всегда был тихим, застывшим в своей провинциальной рутине местом, где самым серьезным происшествием за месяц обычно становилась кража пары мешков удобрений у фермера или забитый дренажный сток на лесопилке.

Но сегодня, во вторник, воздух Блэквуд-Фоллс пах иначе. Старики назвали бы этот запах предвестником большой беды — горький, сырой, колючий холодок, от которого под ложечкой болезненно ныло.

Коллинз затормозил у обочины, где уже прерывисто, истерично мигали синие и красные огни машины его молодого помощника, Бена. Массивный «форд» шерифа тяжело просел на гравии, захрустев мелкой галькой. Томас выбрался из салона, поправил портупею с тяжелой кобурой и шумно выдохнул — изо рта вырвалось облачко густого белого пара.

— Что тут у нас, Бен? — хмуро спросил Коллинз, подходя к пустой машине, стоявшей наполовину в кювете, уткнувшись бампером в заросли дикой малины.

Это был старенький красный «пикап», принадлежавший девятнадцатилетней Кэти Стивенс — дочке Тома Стивенса, державшего главную лесопилку на южной окраине округа. Машина выглядела сиротливо и пугающе в лучах полицейских маячков. Водительская дверь была распахнута настежь, словно девушка выскочила наружу на долю секунды, планируя тут же вернуться. Ключи торчали в замке зажигания, а на пассажирском сиденье мирно лежала небольшая замшевая сумочка.

Бен, бледный, с растерянным, совсем мальчишеским лицом, обернулся к начальнику, судорожно пряча руки в карманы форменной куртки.

— Паршиво тут всё, шериф. Отец Кэти поднял тревогу пару часов назад. Она поехала на заправку Уилсонов сегодня вечером и не вернулась домой. Мы нашли машину здесь, на Трассе 9. Никаких следов борьбы или взлома внутри. На руле только её отпечатки. Мотор был заглушен, фары выключены. Такое ощущение, что она просто... вышла по какой-то надобности и ушла в чащу.

Коллинз сжал зубы. Старый охотничий инстинкт кричал ему: человек, покидающий машину добровольно в холодном тумане, не оставляет документы, деньги и верхнюю одежду в салоне.

ГЛАВА 6

Городок Блэквуд-Фоллс казался Эмили ожившей открыткой из прошлого века, слегка выцветшей от бесконечных дождей. Здесь была всего одна главная улица, застроенная невысокими домами из старого красного кирпича, три заправочные станции с ржавыми бензоколонками, методистская церковь с острым, как игла, шпилем и бескрайние, удушающе зеленые леса, бдительно охранявшие этот затерянный мир со всех сторон. В воздухе стоял стойкий запах мокрой хвои, дыма из печных труб и сырости.

Эмили аккуратно припарковала их старенький седан у бакалейной лавки Миллеров. Дэвид за завтраком настойчиво предлагал поехать самому на их сером джипе, мотивируя это тем, что ей не стоит утомляться после долгой дороги и тяжелого переезда. Но она мягко настояла на своем: ей до боли хотелось доказать и ему, и самой себе, что она способна освоиться на новом месте, ориентироваться в пространстве и не пропадет без его ежеминутного контроля. К тому же утреннее солнце сегодня так лениво и ласково пробивалось сквозь пелену тумана, что сидеть в четырех стенах казалось преступлением против природы.

Над дверью магазина звякнул старый латунный колокольчик, издав чистый, надрывный звук. Из прохлады кондиционированного воздуха на Эмили сразу обрушился густой, концентрированный запах американской глубинки: моченые яблоки, молотый кофе, мешковина, сушеная лаванда и дешевый стиральный порошок.

— Доброе утро, милочка! Вы ведь Эмили, верно? Жена Дэвида? — из-за деревянного прилавка тут же высунулась грузная женщина с пышным начесом вишневого оттенка и проницательными, как у сойки, глазами. Из-под ее фартука выглядывал пластиковый бейдж с именем «Марта».

— Да, здравствуйте, — Эмили мягко улыбнулась, беря пластиковую корзину. Ей всегда было немного неловко под прицелом чужого, слишком прямолинейного и сканирующего провинциального любопытства. — Мы только обустраиваемся в доме дяди Чарльза. Распаковываем коробки в коридоре.

— О, весь город уже знает! У нас секретов не утаишь, — Марта всплеснула руками, на которых шумно звякнули дешевые пластиковые браслеты. — Дядя Чарльз был тем еще сухарем, упокой Господь его душу, никого к себе не подпускал, но дом у него знатный, вековой, настоящий замок. А Дэвид... золото, а не мальчик. Помню его ещё подростком, всегда такой вежливый, тихий, аккуратный, с чертежами возился — комар носа не подточит. Блэквуд-Фоллс повезло, что он вернулся из своего мегаполиса. Нам нужна свежая кровь. Особенно сейчас, когда вокруг творится такое...

Марта резко понизила голос, и ее сочные, накрашенные яркой помадой губы сжались в тонкую, тревожную линию. Атмосфера в лавке мгновенно изменилась, став давящей. Эмили, собиравшаяся отойти к полкам с фермерским молоком и сыром, невольно задержалась, поддаваясь этому заговорщицкому, испуганному тону соседки.

— Что-то случилось? — тихо спросила она, чувствуя, как внутри шевельнулось легкое беспокойство.

— А ты разве не слышала радио с утра? — Марта боязливо оглянулась на полупустой зал, где пара глухих стариков лениво перебирали пакеты с кукурузными хлопьями у дальнего стеллажа. — Кэти Стивенс. Дочка Тома Стивенса, который держит лесопилку на южной окраине. Девчонке всего девятнадцать, уехала позавчера вечером на заправку и как сквозь землю провалилась. Машину нашли на обочине у Трассы 9. Пустую, представляешь? Дверь настежь, ключи в зажигании, сумочка на пассажирском сиденье, а девчонки и след простыл. Шериф Коллинз со своими ребятами со вчерашнего вечера прочесывает лесные овраги по квадратам. Собак привозили, да только толку чуть.

Эмили почувствовала, как по спине пробежал легкий сквозняк, хотя кондиционер дул совсем в другую сторону. Образ пустой машины с распахнутой дверью на темной, безмолвной лесной трассе, окруженной сосновой стеной, мгновенно вспыхнул в её воображении с пугающей, режущей четкостью.

— Боже мой... Может, она просто уехала с кем-то в город? Молодые девушки иногда... ну, ссорятся с родителями, бросают всё и сбегают, — Эмили попыталась найти простое, логичное и успокаивающее объяснение, как всегда делала в стрессовых ситуациях, когда её мягкая натура отказывалась верить в плохое. Ей отчаянно хотелось защитить свой покой.

— Ну да, конечно, оставив сумочку с деньгами, правами и кошельком на сиденье, — горько усмехнулась Марта, поджимая губы и качая головой. — Нет, милочка. Старики в городе уже шепчутся, у всех под ложечкой сосет от страха. Уж больно почерк похожий. Настоящий изъян на нашей памяти.

— Похожий на что?

Марта оперлась полными локтями о прилавок, наклоняясь к Эмили так близко, что та уловила мятный запах ее жевательной резинки и тяжелый, удушливый шлейф дешевых духов.

— Пятнадцать лет назад. Тебя тут еще не было, ты и знать не знаешь, в каком чистом коконе жила в своем городе. Тогда за два года у нас пропали четыре девочки. Такие же молодые, ладные, приметные. Сначала думали — сбежали в большой город за лучшей жизнью, у нас ведь глушь, молодежи скучно. Но ни одну так и не нашли, Эми. Ни живой, ни мертвой. Будто чаща их впитала. А потом всё прекратилось. Внезапно, будто кран перекрыли. И вот теперь — Кэти. Страшно это, Эми. Будто черт, который спал в наших лесах последние пятнадцать лет, снова открыл глаза, увидел новые лица и вышел на охоту.

Колокольчик над дверью снова звякнул, издав резкий звук, в магазин вошел хмурый мужчина в рабочей куртке, испачканной мазутом, и Марта тут же отстранилась, мгновенно вернув лицу маску профессионального радушия и торговой вежливости.

Эмили шла между торговыми рядами, словно в плотном, липком тумане. Руки слегка подрагивали, когда она опускала в пластиковую корзину упаковку спагетти, банку томатного соуса с базиликом и пакет с черничными кексами, которые так любил Дэвид. Навязчивый образ распахнутой двери автомобиля на темной обочине не выходил из головы. Она вспомнила вчерашние слова Дэвида о том, что их новый дом — это идеальная, безопасная крепость, защищенная от любого внешнего хаоса. Ей захотелось немедленно оказаться внутри этих толстых стен, запереть дверь на все замки и спрятаться в его теплых, надежных объятиях.

Расплачиваясь за покупки, Эмили краем глаза заметила крафт-пакет, который Марта упаковывала для следующего покупателя. На нем лежала свежая, еще пахнущая краской листовка, которую хозяйка лавки, видимо, только что распечатала на подсобном принтере. С листа бумаги на Эмили смотрела улыбающаяся молодая девушка с забавными веснушками на переносице. Кэти Стивенс. А на ее шее, отчетливо видимый на фото благодаря высокому качеству печати, топорщился тонкий серебряный кулон в виде полумесяца с маленьким лазурным камнем бирюзы посередине. Украшение казалось уникальным, авторской работой.

Эмили сжала ручки бумажного пакета с продуктами так сильно, что картон врезался в ладони до боли. Она почти бегом направилась к выходу, стремясь поскорее покинуть душную лавку Миллеров.

Городок больше не казался ей пасторальной, уютной открыткой из прошлого века. Теперь Блэквуд-Фоллс выглядел как декорация, за которой притаилось нечто безжалостное, следящее за каждым её шагом из лесной тени. Но, садясь в машину, Эмили сделала глубокий вдох и привычно, послушно приказала себе успокоиться. У нее есть Дэвид. Её скала, её архитектор. Он защитит ее от любой беды. С ним она в абсолютной безопасности, и никакой лесной черт не сможет пробить периметр их крепости.

ГЛАВА 7

К тому времени как Эмили повернула на проселочную дорогу, ведущую к особняку, солнце окончательно скрылось за плотной, монолитной стеной сосен. Оно оставило после себя лишь тонкую, холодную полосу сизого заката, похожую на остывающий, сочащийся багровым блеском след от лезвия. Тьма в Блэквуд-Фоллс наступала не так, как в мегаполисе — она не рассеивалась уличными фонарями и неоном вывесок, а наваливалась на лобовое стекло тяжелой, плотной и удушливой массой, стирая очертания гравийной дороги. Викторианский особняк дяди Чарльза встретил её темными, слепыми окнами первого этажа, и только в кухонном окне горел мягкий янтарный свет. Дэвид уже вернулся. Серый семейный джип стоял у веранды, его начищенный кузов холодно отражал лунный свет.

Эмили заглушила мотор своего старенького седана. Несколько секунд она просто сидела в звенящей тишине салона, намертво, до побеления костяшек вцепившись пальцами в руль. Разговор в лавке Марты Миллер оставил внутри липкий, неприятный и колючий осадок, который никак не желал исчезать. Образ улыбающейся Кэти Стивенс с серебряным полумесяцем на шее словно отпечатался на сетчатке глаза, проступая сквозь лесную тьму. Эмили стоило больших усилий выдавить из себя этот навязчивый, глухой страх перед тем, как открыть дверцу машины. Она сделала глубокий вдох, стараясь расправить плечи. Она дома. Контур замкнут. Здесь всё хорошо.

— Дэвид? — негромко позвала она, входя в прохладную прихожую и прижимая к груди тяжелый крафт-пакет с продуктами.

Шаги мужа послышались незамедлительно — тяжелые, уверенные, успокаивающие и выверенные. Половицы в коридоре глухо, ритмично отозвались на его вес. Дэвид вышел в прихожую, уже успев переодеться в мягкий домашний свитер грубой вязки. От него пахло свежей древесиной, воском и его привычным одеколоном с горьковатыми нотками шалфея.

— Приехала, маленькая, — Дэвид тепло улыбнулся и тут же забрал у неё тяжелую ношу, бережно перехватив пакет за дно своими большими ладонями. — Я уже начал беспокоиться, постоянно поглядывал на часы, высчитывал твой хронометраж. Совсем забыл предупредить тебя, что в Блэквуд-Фоллс на дорогах не разгонишься — гравий размыло после дождей, легко потерять управление. Ну, как всё прошло? Марта Миллер не замучила тебя своими расспросами и провинциальными сплетнями?

— Немного, — Эмили сняла пальто, послушно позволяя мужу взять его и аккуратно повесить на массивные деревянные плечики в шкафу. Каждое её движение плавно направлялось его руками. — Она действительно очень... общительная. Дэвид, она рассказала мне про дочку владельца лесопилки. Кэти Стивенс. Сказала, её машину нашли пустой на шоссе. Дверь настежь, кошелек на сиденье. Дэвид, это правда? Маньяк из прошлого вернулся? Весь город только об этом и говорит.

Дэвид на секунду замер, держа пакет с продуктами в руках. Его лицо мгновенно сделалось серьезным, широкие брови слегка сдвинулись к переносице, отражая искреннее, глубокое сочувствие. Он шумно вздохнул, качнув головой, и его серые глаза стали темными.

— Да, дорогая. К сожалению, это правда. Я встретил Коллинза на въезде в город у почтовой станции, когда забирал документы, он подтвердил. Весь округ сейчас на ушах, волонтеры прочесывают квадраты. Это ужасно. В таких крошечных, заброшенных местах люди совершенно отвыкли от плохих новостей, у них нет структуры для борьбы с этим. Они просто не знают, как реагировать, впадают в хаос.

Он подошел ближе, мягко приобнял её за плечи и увлек за собой на кухню. Там уже всё было готово к их первому полноценному ужину в особняке: на плите в тяжелом чугунном сотейнике томилось жаркое, по комнате разливался густой, уютный аромат запеченного мяса с

розмарином и чесноком. Дэвид усадил её на деревянный стул и налил в бокал немного сладкого виноградного сока.

— Давай не будем думать о плохом за ужином, хорошо? Нам нельзя впускать этот внешний шум в наш мир, — его низкий, ровный голос звучал как обволакивающее теплое одеяло, укрывающее от любых внешних бурь. — Городок перепуган, Марта любит сгущать краски и собирать сплетни, ей скучно за прилавком. Полиция во всем разберется. Главное — ты здесь, дома, со мной. В этих стенах тебе абсолютно ничего не угрожает. Периметр надежен.

Эмили сделала глоток сладкого сока, чувствуя, как ледяное напряжение в плечах постепенно, под его уверенным взглядом начинает отпускать. Дэвид разложил жаркое по тарелкам. Его движения были ловкими, точными и экономными, как у профессионального архитектора, который никогда не делает лишних мазков карандашом или надрезов макетным лезвием. Ужин проходил в тихой, почти интимной атмосфере, которую он умел создавать из ничего. Они неторопливо обсуждали цвет плитки для ванной, доставку текстиля из города и то, как здорово будет обустроить веранду к весне.

Когда с едой было покончено, Дэвид неторопливо потянулся к карману своих брюк. Раздался глухой, плотный металлический звук — он выложил на чистую белую скатерть тяжелую, потемневшую от времени связку латунных ключей дяди Чарльза.

— Кстати, о доме и порядке, Эми, — Дэвид плавно пододвинул связку к своему краю стола, накрыв её своей тяжелой ладонью и зафиксировав металл. — Я сегодня осмотрел нижние уровни и чердак. Там всё очень запущено, Чарльз не поднимался туда годами. Полная разруха, битое стекло, гнилые перекрытия, которые могут поехать под ногами, и, что хуже всего, там полно черной плесени. Это опасно для здоровья. Особенно сейчас, когда мы... ну, ты понимаешь. Когда мы только начали пытаться и надеемся, что скоро у нас появится малыш. Я не прощу себе, если ты надышишься этой гадостью, оступишься на гнилой доске в темноте или, не дай бог, упадешь.

Эмили невольно улыбнулась при упоминании ребенка, её ладонь привычно, инстинктивно опустилась на еще плоский живот. Дэвид заметил это короткое движение, и его взгляд на секунду стал пугающе интенсивным, фанатичным, отражая огонь перфекциониста, созерцающего будущую деталь своей идеальной структуры.

— Я забрал все ключи от верхнего и нижнего уровней, — продолжал он, и его голос снова стал мягким, обволакивающим. — Я сам зайду туда в выходные, всё заколочу, вывезу хлам, заблокирую опасные зоны и сделаю безопасную дезинфекцию. Не хочу, чтобы ты дышала этой гнилью. Давай договоримся, маленькая, закрепим это правило: чердак и подвал пока под моим полным, абсолютным контролем. Обещаешь мне туда не ходить? Ни одной попытки.

На мгновение внутри Эмили шевельнулось странное, едва уловимое и липкое чувство — будто у неё незаметно, под видом абсолютной заботы, отобрали кусочек её собственного пространства, ограничили свободу маневра. Был ли этот огромный особняк полностью её домом, если в нем с первого же дня существовали закрытые, запертые зоны, куда ей запрещено входить без его разрешения? Она посмотрела на массивные латунные ключи, которые Дэвид уже плавно, без лишнего шума убирал обратно в карман брюк. Его движения были спокойными, естественными.

Она взглянула в его серые глаза, полные искренней, преданной и монументальной заботы. «Он просто бережет тебя, трусиху», — тут же одернул себя её мягкий, податливый и привыкший подчиняться разум. — «Ты вечно всё усложняешь, ищешь подвох и хаос. Он мужчина, он берет на себя грязь, счета и безопасность семьи, пока ты паришь в своих мыслях об искусстве».

— Конечно, Дэвид, — тихо ответила она, протягивая руку через стол и накрывая его пальцы своей ладонью. — Если ты считаешь, что так лучше для нас. Я и не собиралась туда лезть, мне вполне хватает забот с первым этажом и коробками в коридоре.

— Вот и умница, маленькая, — Дэвид перевернул руку, крепко сжимая её ладонь в своей теплой, тяжелой и надежной хватке, полностью лишая её пальцы подвижности. — Я просто хочу, чтобы этот дом стал для тебя идеальным местом. Безупречным. Чтобы ни одна пылинка, ни один внешний кошмар, ни один маньяк из леса не нарушали твой покой и структуру нашей жизни.

Он встал, чтобы убрать тарелки в раковину, а Эмили повернулась к панорамному окну кухни. За стеклом была абсолютная, непроглядная и слепая тьма Блэквуд-Фоллс. Лес тихо, зловеще шумел под порывами осеннего ветра, и особняк дяди Чарльза казался единственным островком света во всей вселенной. Эмили улыбнулась мужу, чувствуя себя невероятно защищенной, завернутой в тяжелое одеяло его любви. Она послушно отдала контроль. Она не знала, что первая невидимая стена её будущей идеальной тюрьмы только что была возведена с её собственного, мягкого согласия, а замок на воротах повернулся на первый оборот.

ГЛАВА 8

Поисковая база расположилась на раскисшей от бесконечной сырости поляне у развилки Трассы 9. К полудню здесь пахло не лесной свежестью, а дешевым табаком, выхлопными газами дизельных генераторов и застоявшимся человеческим потом. Шериф Томас Коллинз стоял у капота своего «форда», на котором была расстелена потрепанная, засиженная мухами топографическая карта округа Блэквуд.

Вокруг шумела толпа: около сорока мужчин в брезентовых куртках, тяжелых болотных сапогах и с охотничьими ружьями за плечами переговаривались глухими, злыми голосами. Это были лесорубы Тома Стивенса и фермеры с южных окраин. У каждого в глазах горел тот самый опасный, первобытный огонек провинциальной ярости, который Коллинз больше всего на свете не хотел видеть в своем округе. Когда закон бессилен, люди Блэквуд-Фоллс слишком быстро вспоминали, как вершить самосуд.

— Шериф, собаки словно взбесились на асфальте! — к машине подошел кинолог Вольф, ведя на коротком поводке тяжело дышащего бладхаунда. Пес выглядел изнуренным, его длинные уши были перепачканы болотной жижей, а из пасти обильно текла слюна. — Три мили по просеке от Клейтона — и всё. Пес замер у кромки кустов, зачихал, начал дико тереть нос лапами и выть. Словно девчонку испарили, а вместо неё оставили какую-то адскую смесь. Они отказываются идти в чащу, Томас. Поджимают хвосты, скулят и пятятся обратно к дороге. Там, у оврагов, нет ничего, кроме этого ядовитого запаха. Ни следа от протектора, ни сломанной ветки. Только чертов мох и этот резкий, колючий душок дегтя с чем-то химическим.

Коллинз молча достал из кармана пачку сигарет, чиркнул старой бензиновой зажигалкой Zippo и глубоко затянулся. Дым горьким комом встал в горле. Если бладхаунды Вольфа — лучшие ищейки в штате — обжигали рецепторы у самой обочины, значит, тот, кто забрал девочку, знал о собаках. И сознательно выжег им след.

— Коллинз! — из толпы выделился массивный мужчина с багровым от гнева и бессонницы лицом. Том Стивенс, отец Кэти. Его куртка была распахнута, а огромные ладони, привыкшие ворочать бревна, мелко подрагивали. — Мои парни перевернули малинник у Трассы 9. Мы прочесали слепой лес до самой границы участка старого Чарльза. Ни черта! Твои ищейки из города только зря жрут бензин. Скажи мне прямо: ты собираешься перекрывать дороги или нам самим начать трясти каждого заезжего дальнобойщика на заправках?

Коллинз медленно выпустил струю дыма, глядя Стивенсу прямо в глаза. Ему было искренне, до боли жаль этого сломленного отца, но как представитель закона он не имел права на эмоции.

— Том, успокойся, — жестко произнес шериф — Окружная полиция Клейтона уже выставила посты на развязках. Все грузовики, шедшие через Блэквуд в ночь со вторника на среду, проверяются по базам. Если Кэти вывезли из округа, мы об этом узнаем. Но сейчас твои люди в лесу только мешают. Они затаптывают площадки, которые эксперты еще не успели осмотреть.

— Эксперты? — Стивенс горько, надрывно усмехнулся. — Те двое мальчишек из центра, которые боятся испачкать туфли? Коллинз, моя девочка не могла просто уйти. Она не дура. Кто-то выманил её из машины. Или вытащил. Ты ведь помнишь девяностые, Томас? Помнишь сестер Понс? Помнишь Лили Шоу? Их тоже «проверяли по базам»! И где они теперь? На каком кладбище нам искать их кости?

Толпа за спиной Стивенса угрожающе загудела. Упоминание старого кошмара пятнадцатилетней давности подействовало на мужчин как бензин, пролитый на тлеющие угли.

— Парни, расходитесь по машинам! — Коллинз перехватил инициативу, повысив голос так, что его дребезжащий баритон перекрыл гул толпы. — Бен, распредели волонтеров по квад-

ратам на южной просеке. И чтобы никто не ходил в одиночку. Лес слепой, туман густеет. Если кто-то из вас оступится в заброшенную шахту дяди Чарльза, мне придется искать еще и вас. Том, поехали со мной в участок. Оформим официальные ориентировки для прессы.

Стивенс тяжело дышал, глядя на шерифа с глухой, бессильной ненавистью, но затем обреченно махнул рукой и пошел к своей машине.

Коллинз повернулся к своему «форду». Его взгляд невольно скользнул по карте округа. Прямо на границе четвертого поискового квадрата, окруженный слепой чащей соснового бора, стоял особняк Чарльза Брукса. Накануне туда вернулся Дэвид — племянник покойного старика — со своей молодой женой. Коллинз помнил Дэвида тихим, вежливым подростком, который вечно возился с чертежами и макетами в гараже дяди. Идеальный мальчик, вырвавшийся из этой глуши в большой город.

Шериф сел за руль и повернул ключ зажигания. Мотор отозвался тяжелым рокотом. Томас чувствовал, как старый шрам на затылке — след от слепого оврага, где пятнадцать лет назад оборвался след первой пропавшей девочки — начинает мерно, предупреждающе пульсировать. Ловушка Блэквуд-Фоллс захлопнулась, и Коллинз понимал, что на этот раз зверь, притаившийся в лесах, слишком хитер, чтобы оставить обычные следы.

ГЛАВА 9

Утро третьего дня в особняке дяди Чарльза началось для Эмили с ощущения тонкого, едва уловимого сквозняка, который, казалось, просачивался сквозь плотно пригнанные оконные рамы и приносил с собой дыхание слепого леса. В спальне было прохладно, воздух застыл и пах сухой сосновой хвоей и старым деревом. Дэвид проснулся намного раньше — его половина огромной постели уже полностью остыла, а тяжелое шерстяной одеяло было аккуратно сложено уголком, без единой лишней складки, подчиняясь его врожденному стремлению к идеальной симметрии. Этот педантизм мужа, который раньше казался Эмили признаком безупречной мужской собранности и надежности, сегодня почему-то вызвал внутри легкое, подспудное чувство скованности, словно её собственные движения в этой комнате нарушали заданный им чертеж.

Она накинула длинный кардиган и спустилась на первый этаж, ориентируясь на тихий, размеренный и плотный стук, доносившийся из коридора. Звук ударов металла о дерево разлетался по пустым комнатам гулким эхом.

Дэвид стоял у входа в гостиную, прямо напротив горы неразобранных коробок. На нем были рабочие брюки и простая футболка, обнажавшая крепкие, жилистые предплечья с тонкими полосками вен. В руках он держал массивную латунную задвижку и шуруповерт. По полу тонкой струйкой сыпалась свежая деревянная стружка, пахнущая смолой — Дэвид методично, миллиметр за миллиметром врезал новый, тяжелый замок в дубовую обшивку двери. Прихожая уже выглядела иначе, подчиняясь его руке: две громоздкие коробки с книгами, которые Эмили планировала подробно разобрать днем, были аккуратно сдвинуты вглубь ниши под лестницей и намертво обмотаны свежим слоем плотного серого скотча. Вся её спонтанная, суетливая деятельность в коридоре оказалась аккуратно упакована и заперта под лестницей, подчиняясь его строгому порядку.

— Доброе утро, маленькая, — Дэвид отложил инструмент, и на его щеках мгновенно появились привычные, такие родные мальчишеские ямочки. Он подошел, ласково коснулся губами её лба и заглянул в глаза своими ясными, удивительно спокойными серыми зрачками. — Как спалось? Туман за окном ночью не напугал тебя? Он подползал к самой веранде.

— Доброе утро... Нет, я спала очень крепко, — Эмили невольно бросила взгляд на его руки. Пальцы Дэвида были чистыми, ногти аккуратно подстрижены, а движения оставались точными, лишенными малейшей суеты или изъяна. — Дэви, зачем здесь еще один замок? Входная дубовая дверь и так запирается на два оборота, а мы ведь внутри крепости, как ты говоришь.

Дэвид вернулся к двери, плавно нажимая на латунную ручку и проверяя ход механизма. Щелчок получился плотным, сухим, металлическим и окончательным.

— Вчера шериф Коллинз на въезде у почты сказал, что волонтеры Стивенса прочесывают чащу совсем рядом с нашими границами, — обыденно, словно речь шла о прогнозе погоды или рутинном архитектурном замере, произнес он. — Сорок взвинченных, напуганных мужчин с ружьями и бладхаундами бродят по слепому лесу. Они ищут пропавшую Кэти, они злы, хаотичны и ищут виноватого, Эми. В таких ситуациях толпа теряет контроль и структуру. Я не хочу, чтобы кто-то из них случайно забрел на нашу веранду, попытался заглянуть в окна первого этажа или нарушил твоё уединение, пока я занят работой в Клейтоне. Моё дело — сделать твой мир безупречным. Замкнутым. Чтобы ни одна внешняя деталь, ни один грязный слух не нарушали твою чистоту.

Он повернулся к ней, и его серые глаза на секунду сузились, сканируя её лицо на наличие скрытых изъянов или беспокойства. Эмили почувствовала, как под этим долгим, немигающим

взглядом внутри шевельнулось странное, липкое чувство — будто её мягко, тепло, но непреклонно просвечивают рентгеном, лишая права на тайну.

— Кстати, о порядке и безопасности, — Дэвид подошел ближе, мягко, но властно взял её за локоть и увлек на кухню, где на плите уже свистел пузатый чайник, наполняя комнату горячим паром. — Я заметил, что ты вчера оставила свои ключи от машины на столике в прихожей, прямо у зеркала. Давай договоримся, маленькая, закрепим еще одно жесткое правило: в Блэквуд-Фоллс все ключи должны лежать в одном месте. В моем рабочем столе. Под моим личным контролем.

Эмили замерла у кухонного стола, её пальцы невольно сжали край кардигана.

— Но Дэви... Зачем? Это ведь моя машина. Старый седан. Если мне понадобится съездить в бакалею к Марте за молоком или просто проветрить голову...

— Я сам буду проверять уровень масла, заправлять бак и следить за тормозами, чтобы ты не пачкала свои нежные руки, маленькая, — Дэвид плавно перебил её, и его низкий, бархатный голос звучал как обволакивающее лекарство, усыпляющее любые возражения. — Твой седан старый, гравий размыло, в Блэквуд-Фоллс слишком легко застрять в овраге или столкнуться с лесной чертовщиной на Трассе 9. Коллинз ведь предупреждал. Зачем тебе эта пустая, грязная суета? Если тебе понадобится поехать в город или на почту — просто скажи мне за час. Я лично подготовлю серый джип, всё проверю, отфильтрую маршрут и отвезу тебя сам. Так будет безопаснее. Без лишнего хаоса. Хорошо?

Внутри неё, в самой глубине её мягкой, привыкшей во всем подчиняться и искать защиты натуры, на долю секунды вспыхнуло глухое, слабое сопротивление. Это ограничение её свободы подавалось под таким густым, сладким соусом заботы и мужской ответственности, что спорить казалось верхом неблагодарности и глупости. «Он просто оберегает тебя, трусиху», — привычно зашептал внутренний голос, баюкая её слабость. — «Город перепуган из-за пропажи Кэти Стивенс, кругом мужчины с карабинами в тумане, Дэвид просто берет контроль над автопарком в свои надежные руки, как и должен делать настоящий мужчина».

ГЛАВА 10

Окружной архив Блэквуд-Фоллс располагался в самом глубоком подвале ратуши, куда вела узкая, источенная сыростью и временем бетонная лестница со стертыми ступенями. Здесь пахло мертвой, истлевшей бумагой, мышиным пометом и тем специфическим, сладко-горьким холодком, который всегда исходит от старых, нераскрываемых десятилетиями папок. Спускаться сюда было всё равно что погружаться на дно заброшенной могилы, где под слоем пыли были заживо похоронены чужие трагедии.

Шериф Томас Коллинз сидел за низким деревянным столом под единственной голой лампочкой. Она тускло, лениво раскачивалась на грязном шнуре под серым бетонным потолком, заливая подвал колеблющимся, мертвенно-желтушным светом и порождая длинные, изломанные тени в углах. Перед ним высилась уродливая, давящая гора картонных коробок с выцветшими, наполовину стертыми штампами: «Уголовные дела. Округ Блэквуд. 2009–2011».

Томас провел тяжелой, шершавой ладонью по лицу, стирая налипшую серую пыль и пытаясь разогнать тупой туман в голове. Часы на его запястье показывали два часа ночи. Весь город уже спал, заперев двери на тяжелые латунные задвижки и наглухо занавесив портьеры от лесного тумана. И только далеко в лесу, на южной просеке, всё еще лениво, блекло мелькали редкие фонари поисковых отрядов Тома Стивенса, безуспешно прочесывающих раскисшие овраги.

Томас открыл первую папку, и сухая бумага отозвалась надрывным хрустом. С пожелтевшего листа на него взглянуло черно-белое лицо девятнадцатилетней Лили Шоу — первой жертвы, пропавшей в сентябре 2009 года. Она улыбалась открыто, беззаботно, не зная, что её маршрут уже просчитан до последнего метра.

Шериф достал из кармана затрепанный блокнот, огрызок карандаша и принялся методично, строчка за строчкой, восстанавливать хронологию, которую он так отчаянно и тщетно пытался забыть последние пятнадцать лет.

«Лили Шоу. 19 лет. Пропала во вторник, после вечерней смены в аптеке. Машина найдена на обочине Трассы 9. Водительская дверь приоткрыта, ключи в зажигании, личные вещи и кошелек на сиденье. Следов борьбы нет. Собаки потеряли след у кромки асфальта».

Коллинз перевернул страницу, чувствуя, как пальцы становятся холодными. Следующее дело.

«Сара Понс. 21 год. Пропала в пятницу, в конце октября 2009 года. Машина найдена у Трассы 9, в трех милях от черты города. Водительская дверь настежь, ключи внутри, кошелек на приборной панели. Собаки кружили на асфальте. След оборвался».

Шериф замер, его дыхание стало тяжелым, а по спине пополз ледяной, липкий пот. Он открыл свежий рапорт Бена, составленный вчера утром на месте исчезновения Кэти Стивенс, и положил его рядом с пожелтевшими листами.

Абсолютное, математическое, хирургическое совпадение. Словно невидимый, безупречный архитектор спустя пятнадцать лет тишины достал из ящика стола старый, идеально выверенный чертеж и принялся обводить его линии свежей, багровой тушью. Тот же день недели — вторник. То же место — слепая, мертвая зона Трассы 9, где ветви вековых сосен полностью перекрывают свет луны. Тот же пугающий, чистый, геометрически выверенный почерк: ни единого отпечатка чужих пальцев на руле, ни одной сорванной пуговицы, ни единой капли крови на обивке салона. Жертвы просто растворялись в воздухе, словно туман Блэквуд-Фоллс обладал способностью поглощать человеческую плоть, не оставляя тепла.

Коллинз откинулся на спинку скрипучего стула, глубоко, до боли в легких затянулся сигаретой и уставился в серый бетонный потолок подвала. Чертов кран, который кто-то вне-

запно, без объяснений перекрыл в конце 2011 года, снова открылся. Линии хаоса вернулись в округ.

В памяти шерифа внезапно, с пугающей четкостью вспыхнуло лицо покойного Чарльза Брукса — нелюдимого, сурового старого охотника, который последние годы перед смертью вообще не выходил из своего особняка у леса. Чарльз был строгим, безумным перфекционистом, презиравшим человеческую слабость. В те годы он несколько раз приходил в участок, приносил собственные карты лесных просек и с пугающей, детальной точностью указывал, где именно Коллинз совершил ошибки во время поисков. «Вы слепы, Томас, — говорил старик, стуча сухим, костлявым пальцем по столу. — Вы ищете хаос, а в лесу всегда есть структура. Настоящий охотник никогда не оставляет изъянов или лишних деталей. Всё должно быть безупречно. Ни единого следа. Ни одной пылинки».

Томас вздрогнул, и сигаретный дым горьким комом встал в горле. «Ни одной пылинки». Именно эту фразу вчера в лавке Марты Миллер повторил молодой Дэвид Брукс, племянник Чарльза, когда вежливо и мягко рассказывал соседям, как он оберегает свою городскую жену Эмили в их новой изолированной крепости.

Шериф посмотрел на хронологическую таблицу в своем блокноте. Сентябрь 2011 года — последнее исчезновение. Ровно через месяц после этого восемнадцатилетний Дэвид Брукс собрал чемоданы и навсегда уехал из Блэквуд-Фоллс, поступив в архитектурный университет в мегаполисе.

Чертов кран, который кто-то внезапно, без объяснений перекрыл в конце 2011 года, снова открылся. Линии хаоса вернулись в округ. И всего двадцать дней назад Дэвид Брукс, племянник покойного Чарльза, возвращается из мегаполиса обратно в особняк...

Коллинз медленно опустил карандаш. Голая лампочка над его головой качнулась от сквозняка, и длинная, ломаная тень от стола поползла по кирпичной стене подвала, напоминая очертания капкана, который медленно, но неумолимо закрывался вокруг Блэквуд-Фоллс. Шериф понимал, что у него пока нет ни одной прямой улики, Дэвид Брукс — уважаемый тридцатитрехлетний парень, который приехал на новеньком джипе и возится с ремонтом детской. Но воздух в округе стал настолько паршивым, что завтра же утром ему придется совершить визит вежливости в особняк Чарльза Брукса, чтобы взглянуть в эти спокойные серые глаза.

ГЛАВА 11

Утренний туман в Блэквуд-Фоллс не таял под первыми лучами солнца — он наползал из лесной чащи тяжелыми, влажными пластами, цепляясь за шершавые верхушки сосен и оседая мелкими, ледяными каплями на жухлой траве. Воздух был таким холодным и густым, что при каждом вдохе у Эмили покалывало в легких, а в горле стоял стойкий привкус сырой коры и прелой листвы.

Она бежала по обочине грунтовой проселочной дороги, ведущей от их уединенного особняка к Трассе 9. Размеренный, ритмичный хруст гравия под подошвами кроссовок помогал проветрить голову после душной ночи и заглушить то липкое, навязчивое ощущение тотального контроля, которое медленно оседало на стенах их дома. Дэвид еще спал, когда она тихо выскользнула из-под тяжелого шерстяного одеяла. Он выглядел таким умиротворенным во сне, без своей привычной маски взрослой собранности и жестких архитектурных линий на лице, что Эмили еще несколько минут просто любовалась им, чувствуя, как внутри разливается привычная нежность. Ей стоило больших усилий незаметно вытащить ключи от входной двери с его рабочего стола — первая маленькая, тайная победа над его «абсолютной опекой».

Эмили свернула на развилку, где их проселочная дорога соединялась с более оживленной Трассой 9. Туман здесь был чуть жиже, колыхаясь серыми рваными лентами над серым асфальтом. У самой обочины стоял старый, потемневший от дождей деревянный столб линии электропередач.

Эмили сбавила темп, переходя на шаг, и остановилась, тяжело переводя дыхание. Пар из её рта облачками растворялся в сырости.

На столбе белел свежий, совершенно чистый лист бумаги формата А4. Клей еще не просох, и по краям листовки ползли серые водяные разводы, смешиваясь с каплями росы. «ПРОПАЛА КЭТИ СТИВЕНС», — кричали крупные, рубленые черные буквы. Ниже располагалась та самая фотография, которую Эмили мельком видела в бакалее Миллеров, но здесь, в утренней тишине слепого леса, один на один с этим лицом, всё ощущалось иначе.

Эмили подошла вплотную, чувствуя, как внутри всё сжимается. Девушка на фото улыбалась открыто и беззаботно, чуть прищурив глаза от солнца. На ней был простой летний топ с открытыми ключицами, а на шее…

Эмили невольно подалась вперед, почти касаясь носом влажной бумаги. Из-за высокого качества печати серебряный кулон был виден во всех деталях. Это была тонкая, невероятно искусно выполненная ювелирная работа: изящный полумесяц, повернутый рожками влево, внутри которого покоился идеально круглый, размером с крупную горошину, камень бирюзы. Кулон казался слишком приметным, уникальным — авторская работа, а не штамповка из масс-маркета. Эмили, как человек, пишущий об искусстве, сразу отметила эти сложные серебряные переплетения, напоминающие древесные корни. Вглядываясь в маленькую бирюзу, она почувствовала, как по коже пробежали ледяные мурашки. Кэти носила его, не снимая.

Внезапно гробовую тишину леса нарушил резкий, сухой звук.

Хруст.

Будто в глубине чащи, всего в десятке ярдов от столба, кто-то тяжелый наступил на толстую сухую ветку.

Эмили резко обернулась. Сердце мгновенно подскочило к самому горлу, заколотившись в бешеном, паническом ритме. Лес стоял стеной — мрачный, неподвижный, окутанный мертвенно-серым туманом. Сосны казались гигантскими часовыми, прячущими кого-то в своих густых, слепых тенях.

— Эй? — тихо, почти шепотом позвала Эмили. Собственный голос показался ей чужим, тонким и глупым.

Никто не ответил. Но липкое, осязаемое чувство чужого взгляда буквально пригвоздило её к месту. Ей показалось, что сквозь пелену тумана, между двух близко растущих стволов, на неё смотрит пара немигающих, внимательных глаз. Воздух вокруг словно загустел, превратившись в невидимый капкан.

Фр-р-р!

Из кустов чуть левее с громким, паническим хлопаньем крыльев взлетела стая испуганных ворон.

Этот резкий звук послужил детонатором. Эмили вскрикнула, отшатнулась от столба, и в эту же секунду её накрыла волна первобытного, удушающего ужаса. Разум словно отключился, уступив место животной панике. Воздух мгновенно перестал поступать в легкие, хотя она судорожно, с хрипом открывала рот. Стены леса вокруг нее покачнулись и начали стремительно сдвигаться, сжимая пространство до размеров крошечной клетки.

В глазах потемнело, по краям видимости поплыли жирные черные пятна. Сердце колотилось так дико, что болью отзывалось в ребрах и левом плече; ей показалось, что оно вот-вот разорвется. Пальцы рук мгновенно онемели, превратившись в ледяные чужие обрубки, а по спине прокатился жар, сменившийся парализующим холодом. Эмили потеряла ориентацию: земля под ногами стала зыбкой, словно раскисшее болото, готовое поглотить её целиком. Возникло отчетливое, сводящее с ума ощущение, что она умирает прямо здесь, на этой серой обочине, под немигающим взглядом Кэти Стивенс с листовки. Кислородное голодание вызвало дикий, звенящий гул в ушах, заглушивший все звуки природы.

Не помня себя от этого удушья, подчиняясь единственному импульсу — выжить, — она развернулась и бросилась бежать назад, к дому дяди Чарльза.

Она не оглядывалась. Хруст гравия под ногами теперь казался ей тяжелыми, преследующими шагами монстра. Мягкая, не привыкшая к экстремальным нагрузкам и панике, она задыхалась, с трудом сглатывая холодный воздух, который обжигал горло. Каждый метр давался с трудом, ноги казались ватными, налитыми свинцом. Ей казалось, что, если она остановится хоть на долю секунды, туман сомкнется над её головой навсегда.

Ворвавшись на веранду, Эмили с силой захлопнула за собой тяжелую дубовую дверь и повернула замок на два оборота. Спиной она прижалась к прохладному дереву, сползая по нему вниз. Её колотило в крупной, неукротимой дрожи, зубы стучали, а пальцы судорожно хватали воздух, который никак не мог наполнить её грудь.

Из кухни вышел Дэвид. Он был в домашних штанах, с полотенцем через плечо и кружкой дымящегося кофе в руке. Заметив её бледное лицо, вздымающуюся грудь, расширенные от ужаса зрачки и растрепанные светлые волосы, он тут же поставил кружку на тумбу и быстро подошел к ней. Его брови сурово сдвинулись к переносице.

— Эми? Боже мой, маленькая, что случилось? — его сильные руки мгновенно легли на ее плечи, притягивая к себе, фиксируя её тело и прекращая этот хаотичный бег. — Ты выходила из дома? Зачем? Мы же договорились.

— Там... на столбе... объявление, — задыхаясь, сквозь слезы пролепетала она, утыкаясь носом в его плечо и жадно впитывая его спокойный, домашний запах древесины и шалфея. — И в лесу... кто-то был, Дэвид. Кто-то ходил в кустах и смотрел на меня. Мне стало так страшно... я не могла дышать.

Дэвид крепко обнял её, медленно, убаюкивающе поглаживая по спине, восстанавливая её баланс. Его ладонь была большой, тяжелой и такой надежной, что паника Эмили начала послушно отступать, как отлив, оставляя после себя лишь колоссальное физическое истощение. Сердце постепенно замедляло свой сумасшедший бег, подчиняясь мерному ритму его дыхания.

— Тише, тише, всё хорошо. Ты дома, в безопасности. Периметр закрыт, — его низкий голос вибрировал в груди, усыпляя её страхи. — Я же говорил тебе, маленькая, здесь дикие

места. Это мог быть крупный олень или бродячая собака. Туман и лесные звуки часто пугают тех, кто привык к стерильному городу. Но ты молодец, что сразу вернулась в нашу крепость.

Он отстранил её на расстояние вытянутой руки, заглянул в её испуганные глаза и тепло улыбнулся. Но в глубине его серых зрачков на секунду промелькнуло странное, холодное торжество перфекциониста, чей капкан опеки сработал идеально — она сама прибежала к нему за защитой.

— Больше никаких пробежек в тумане в одиночку, хорошо? — его голос прозвучал мягко, но в нем прорезались непреклонные, стальные нотки. — Пока шериф не разберется с этой историей вокруг Кэти Стивенс, ты будешь гулять только со мной. Я не хочу, чтобы моя девочка так сильно нервничала и разрушала свое здоровье. Это вредно для нас. Договорились?

Эмили послушно, безвольно кивнула, чувствуя колоссальное облегчение. Её мягкая натура с радостью переложила этот невыносимый груз страха на его широкие плечи. Дэвид во всем прав — она просто городская трусиха, которую до панической атаки напугал обычный лесной шум.

— Идем, я приготовил омлет, — Дэвид забрал у неё ключи от входной двери, плавно опустив их в свой карман, взял её за руку и повел на кухню.

Эмили послушно шла за ним, глядя на его прямую, уверенную спину. Листок с объявлением и серебряный кулон с лазурной бирюзой медленно бледнели в её памяти, вытесняемые привычным ощущением покоя. Паника отступила, оставив после себя лишь легкую слабость в коленях и глухое эхо лесного хруста, который теперь казался ей просто глупой фантазией. Рядом с Дэвидом мир снова становился понятным, устойчивым и предсказуемым. Невидимые стены её идеальной тюрьмы стали еще немного выше и прочнее, лишая её всякого желания выходить за их пределы.

ЧАСТЬ 2. ТРЕЩИНЫ В ФУНДАМЕНТЕ

ГЛАВА 12

Шериф Томас Коллинз приехал ближе к полудню, когда утренний туман окончательно рассеялся под напором холодного осеннего ветра, оставив после себя лишь влажный, зеркальный блеск на сосновой хвое. Его старый массивный «форд» с блеклой, наполовину стертой звездой на водительской двери тяжело проехал по гравийной дорожке, хрустя мелкими камнями, и остановился у самого крыльца викторианского особняка — прямо позади сверкающего чистотой серого семейного джипа Бруксов.

Эмили в это время сидела в глубине застекленной веранды. Она пыталась сосредоточиться на наброске новой статьи об урбанистических мотивах в современной живописи, но мысли постоянно, словно против её воли, возвращались к утреннему столбу у Трассы 9, влажной бумаге и лазурному глазу бирюзы. Визит представителя закона заставил её сердце тревожно и резко сжаться. Ей показалось, что слепой лес за окнами сделал еще один бесшумный шаг вперед, подступая к самому крыльцу.

Однако Дэвид, работавший в гостиной за массивным дубовым столом дяди Чарльза, отреагировал на появление полиции с абсолютным, монументальным спокойствием. Он аккуратно отложил остро заточенный чертежный карандаш, плавно поднялся и, проходя мимо Эмили, мягко коснулся её холодной ладони. Этот короткий жест словно напоминал: бояться нечего, пока он рядом. Дэвид первым вышел на крыльцо навстречу гостю, широко распахнув тяжелую дубовую дверь.

Коллинз оказался грузным, приземистым мужчиной лет пятидесяти с обветренным, изрезанным глубокими морщинами лицом и усталыми, глубоко посаженными глазами. От его тяжелой суконной куртки пахло табачным дымом, бензином и дешевым горьким кофе из придорожного автомата ратуши.

— Добрый день, Дэвид. Миссис Брукс, — шериф тяжело, с легкой одышкой поднялся по деревянным ступеням веранды, придерживая рукой массивную кобуру на ремне, которая глухо звякала при каждом шаге. Он мельком скользнул взглядом по серому джипу, а затем перевел взор на закрытые ворота отдельно стоящего бревенчатого гаража. — Извините, что беспокою без предупреждения. Провожу рутинный обход всех, кто живет на этой стороне Трассы 9, ближе к просекам.

— Всё в порядке, Коллинз. Заходите, солнце сегодня обманчивое, ветер ледяной, а у нас как раз готов свежий кофе, — Дэвид вежливо приоткрыл входную дверь, демонстрируя безупречное, чисто провинциальное гостеприимство. В его голосе не было ни капли той нервозности, которую обычно проявляют люди при виде полицейского жетона.

Они устроились в просторной гостиной, где пахло свежей шпатлевкой и старым деревом. Мягкая натура Эмили заставляла её чувствовать себя скованно и неуютно в присутствии шерифа. Но Дэвид держался так естественно, словно шериф заглянул на обычное дружеское чаепитие после удачной охоты. Он собственноручно налил Коллинзу кофе в фарфоровую чашку дяди Чарльза, сел на диван рядом с Эмили и аккуратно, бережно обнял её за талию, даруя безмолвную, но весомую поддержку.

— Я по поводу Кэти Стивенс, — шериф сделал большой глоток, зажмурился от горячего пара и тяжело вздохнул. —Вы ведь переехали в особняк чуть больше двух недель назад? Может, замечали что-то странное в этих квадратах? Чужие машины у лесного массива на развилке? Или, может, кто-то незнакомый околачивался у вашей изгороди в последние дни?

— Нет, ничего подобного, — спокойно ответил Дэвид. Он слегка нахмурился, словно искренне и глубоко пытался восстановить в памяти хоть какую-то зацепку, способную помочь следствию. — Я часто работаю дома у этого окна, отсюда виден весь подъездной путь и кусок просеки. Здесь очень тихо, Коллинз. Разве что дикие звери из чащи забредают к малиннику. К тому же я почти не выезжаю, вон, джип днями стоит. Разве что пару раз мотался к Джереми Хаффу в мастерскую — реанимирую старый «Форд» дяди Чарльза, который пятнадцать лет гнил в гараже. Хочу довести его до идеала в память о старике.

Коллинз понимающе кивнул. Механик Хафф действительно упоминал, что молодой Брукс заходил поспрашивать про лаки и свечи для старой развалины Чарльза. Шериф мрачно покачал головой, его обветренное лицо словно потемнело от внутренней усталости.

— Понимаю. Славное дело. А по Кэти... никаких новостей, парень. И это пугает меня больше всего. Собаки Вольфа потеряли след девчонки прямо у асфальта, на Трассе 9. Словно она просто растворилась в воздухе, не оставив тепла. Ни следов борьбы в кабине «пикапа», ни отпечатков чужой обуви на гравии. Том Стивенс сам не свой, собрал парней с лесопилки, хотят прочесывать чащу до самой южной границы, где старые заброшенные шахты. Но лес здесь слепой, в двух шагах ничего не видно из-за подлеска.

Шериф внезапно повернулся к Эмили, заметив, как при упоминании слепого леса её пальцы судорожно сжали край кардигана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.